
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316:342.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНУЮ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НОРМУ ПРАВА***Смольников Сергей Натанович**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Рассматривается понятие социальной справедливости в современном праве. Отмечаются разные аспекты: связь социальной справедливости с социальным государством, правовым государством, цивилизационная специфика, исторические особенности. Осмыслиется вопрос значимости выбора между легальностью и легитимностью власти как фактора утверждения социальной справедливости. Поднимается вопрос субъектно-объектной сущности социальной справедливости. Сравняются два подхода к социальной справедливости в современной России — либеральный и консервативный. Отмечается противоречивость как либерального, так и консервативного подходов. Обращается внимание на роль элит, интеллигенции и народа в воплощении либерального проекта. Раскрываются исторические и цивилизационные предпосылки доминирования консервативного проекта, его востребованность как со стороны власти, так и со стороны значительных слоев населения, соответствие историческому моменту. Обосновывается сходство консервативного ответа на возникающие перед обществом вызовы в США, Японии, Великобритании и РФ. Дается социологическое сравнение позиций в вопросах права как социальной справедливости на Западе и в России. Отмечается нарастающее расхождение представлений о социальной справедливости как в самих странах Запада (разрушение общественного договора, общества всеобщего благоденствия и изобилия), так и между Западом и остальным миром. Тема справедливости все больше играет роль не стабилизации и сохранения международного и гражданского мира, а темы для взаимных претензий. Рассматриваются попытки создания отечественных моделей справедливо устроенного общества. Социальная справедливость рассматривается как проективное понятие и предполагает наличие моделей ожидаемого и идеального будущего общества. Отмечается мировой тренд на изменение представлений о субъекте права и сдвиге парадигмы от либерализма к трансгуманизму. Утверждается невозможность отождествления права с социальной справедливостью.

Ключевые слова: социальная справедливость, право, правовая справедливость, либеральный проект социальной справедливости, консервативный проект социальной справедливости, правовое государство, социальное государство.

**A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON SOCIAL JUSTICE
AS THE RULE OF LAW***Sergey N. Smolnikov**Perm National Research Polytechnic University*

The article considers the place of social justice in modern law. Various aspects are noted: its relationship with the social state, legal state, civilizational particularities, historical features. The question of the significance of choice between the legality and legitimacy of power as a factor in the establishment of social justice is considered. The article raises the issue of the subject-object essence of social justice. It provides

a comparison of two approaches to social justice in modern Russia — liberal and conservative, and notes the contradictory nature of both. Attention is drawn to the role of elites, the intelligentsia and the people in the embodiment of the liberal project. The author reveals the historical and civilizational prerequisites for the conservative project domination, its being in demand on the part of both the authorities and significant segments of the population, and its correspondence to the historical moment. The similarity of the conservative response to the challenges facing the society in the United States, Japan, Britain and Russia is substantiated. A sociological comparison of positions on the issues of law as social justice in the West and in Russia is given. There is an increasing divergence in understanding social justice both in the countries of the West (destruction of the social contract, welfare state) and between the West and the rest of the world. The theme of justice is increasingly playing a role in causing mutual claims rather than in stabilizing and maintaining international and civil peace. The paper considers attempts to create domestic models of a just society. Social justice is regarded as a projective concept and presupposes the existence of models of the expected and ideal future of society. The world trend towards change in the ideas of the subject of law and of the paradigm shift from liberalism to transhumanism is noted. It is argued that it is impossible to identify law with social justice.

Keywords: social justice, law, legal justice, liberal project of social justice, conservative project of social justice, legal state, social state.

В современной литературе поднимается актуальный на сегодня вопрос о соотношении социальной справедливости и права. Социологический подход объясняет это несоответствием содержания общественного сознания набору правовых норм, построенных на тех или иных представлениях о социальной справедливости, разницей норм и интересов элементов общества и общей расколотостью общества по данным вопросам. Остается актуальным поиск ответов на старые вопросы: в чем должны быть особенности модернизации в России, каковы ее движущие силы; кто прав — западники или славянофилы; каков проект общественного договора?

Обсуждение этих вопросов каждый раз актуализируется после очередных выборов в высшие органы власти, которые у части населения всякий раз порождают новые надежды. Известно, что многие положения Конституции уже претерпели изменения и сама жизнь подсказывает неизбежность серьезных конституционных реформ. И это дает дополнительный шанс согласования основного закона с актуальными представлениями о социальной справедливости различных социальных групп. Пример возникающих споров и альтернативных взглядов на реализацию данного процесса дают процессы конституционного строительства в Луганской и Донецкой народных республиках, в Республике Крым, демонстрируя необходимость предварительной проработки и широкого общественного обсуждения данных вопросов.

Роль социальной справедливости разнообразна. Социальная справедливость выступает одновременно как минимум в трех ипостасях в отношении права: это основа права, это критерий легитимности права (дух закона) и это результат правоприменения. Уже само право можно рассматривать как науку о добром и справедливом [Нерсесянц В.С., 2001, с. 7]. Таким образом социальное должно располагаться в основе правового, быть «духом» правового и в итоге правовое должно служить и даже в конечном итоге сводиться к социальному. А следовательно, можно сказать, что на определенном уровне обобщения социологический подход должен быть главенствующим в рассмотрении права.

В конституциях разных стран мира понятие «социальная справедливость» практически не встречается. А в тех случаях, когда оно присутствует (конституции Швейцарии, Албании, Индии), указывается на невозможность апелляции к данному понятию при конкретных судебных исках и решениях. В Конституции РФ термин «социальная справедливость» отсутствует, но имеет место в частных законах, относящихся к деятельности политических партий [Федеральный закон «О политических партиях», 2017] и общественных объединений. В них обращается внимание на то, что требование социальной справедливости нельзя расценивать как экстремистские призывы [Федеральный закон «Об общественных объединениях», 2017].

Выдвигаются разные цели конституционных преобразований. Так, А. Медушевский, пози-

ционирующий себя как сторонних либеральных ценностей, видит основное направление преобразований в том, чтобы «добиться уничтожения разрыва между справедливостью и правом и на этой основе преодолеть историческое отчуждение общества и власти» [Медушевский А.Н., 2017, с. 70].

Подобное определение цели вызывает целый ряд вопросов. А за счет чего легче, проще уменьшить разрыв между справедливостью и правом? За счет переписывания законов или за счет убеждения населения в том, что «по закону и значит справедливо»? А можно ли полностью преодолеть «историческое отчуждение общества и власти» в России? Ведь предполагаемый результат реформ — это лишь временное равновесие социальной справедливости и правовой справедливости, не более того. Чем более динамично развивается общество, тем сильнее будут расхождения. Результаты любых реформ ограничены во времени. Требуется непрерывная модернизация или, если угодно, «перманентная правовая революция». Правда, здесь не удастся избежать некоторой декларативности права, положений «на вырост».

Чем обусловлено отмечаемое А. Медушевским «историческое отчуждение общества и власти»? Представляется, что оно проистекает в числе прочего как раз из реформ сверху. Из того, что власть тянула за собой народ, государство было основой догоняющей модернизации. «Преодолеть отчуждение» в том числе означает прекратить модернизацию — это как раз победа консервативной идеи в чистом виде. Свести роль элит и интеллигенции лишь к исполнению закона, слежению за его соблюдением — рациональная ли это идея? Народ всегда ведомая часть. Либеральные ценности разделяет меньшая часть населения. Обратимся к социологическим данным. Так, по сравнению с 1989 г. доля респондентов, выступающих за ограничение на государственном уровне слишком больших различий между богатыми и бедными, в 2015 г. выросла с 50 до 74 %; за полное невмешательство государства в распределение доходов в 1989 г. выступало 64 %, а в 2015 г. — лишь 27 %; за гарантированный доход каждому не ниже прожиточного минимума выступало и выступает 90 % населения [Политов Ю., 2015]. По данным ВЦИОМ справедливое общество большинством понимается как «сильное госу-

дарство, порядок, национальные интересы» (58 %); а за демократию, солидарность и свободу выступают 27 % опрошенных [Социальная справедливость..., 2013]. Согласно представлениям свердловских студентов, справедливое общество должно характеризоваться такими признаками, как «бесплатное здравоохранение» (67 %), государственная поддержка детей из бедных семей, бесплатное образование (65 %) и лишь вслед за ними требование разрешать конфликты в суде (55 %), требование соблюдать законы, даже если они несовершеннолетние (54 %) [Вишневецкий Ю.Р., Нархов Д.Ю., 2017, с. 38].

В отличие от либерального проекта (в интерпретации А. Медушевского) доминирующий сегодня в России консервативный проект (усматривающий образец для подражания в своем прошлом) представляет собой эклектичное сочетание элементов советских и имперских. И связано это не столько с его разработанностью, завершенностью (в нем множество несочетаемых элементов) или особой привлекательностью (многие фигуры и элементы вызывают ожесточенную взаимную ругань его сторонников), сколько с текущими потребностями власти и продемонстрированной общей реализуемостью на местной почве, сохранению «мышечной памяти» у органов власти и широких слоев населения. Идеология всегда привязана к текущей ситуации. Она объясняет способы выхода из сложившегося тупика, ответа на текущие вызовы. Осознаваемые вызовы сегодня — это угроза развала РФ, продолжающийся распад постсоветского пространства. Ответами на эти вызовы и стали идеи, обосновывающие централизацию и реконструкцию этого пространства, восстановление утерянного места России в мире. Здесь очевидны определенные сходства с проигравшей войну Японией, находящейся в значительной мере под внешним управлением, проводившей реформу под контролем и по программам оккупационной власти, в условиях чрезвычайных темпов модернизации. Последняя для сохранения самости и в надежде на восстановление суверенитета обратилась к «традиции», сохраняя власть императора. Славится приверженностью традициям и переживающая распад империи Британия. Истеблишмент старается сохранить и реставрировать одно — империю и силу, а попутно реставрирует и все их атрибуты. До изобретения но-

вых смыслов и целей, новых «скреп» и «нового проекта» ситуацию пытаются «подморозить». Можно заметить аналогию и с современными США, с лозунгом Д. Трампа «Make America Great Again» и строительством стены от мигрантов. Консерватизм замедляет развитие науки и техники, но повышает стабильность, монолитность общества, рождаемость. Следовательно, выбор модели справедливости зависит от ответа на вопрос: какая проблема для нас сейчас первостепенна? Социологический анализ требует ответа и на вопросы: «кто является объектом и субъектом предстоящих преобразований», «во имя кого эти преобразования»?

На данный момент в России внятного формального ответа на эти вопросы нет. В Конституции РФ в качестве источника власти упоминается «многонациональный народ России», а гарантом объявлен Президент. Одновременно в Конституции РФ провозглашается правопреемство СССР. В советской же конституции источником власти обозначены рабочие, крестьяне и интеллигенция, трудящиеся всех наций и народностей страны. Таким образом, кто субъект преобразований и кто объект преобразований на текущий момент не ясно. А следовательно, не ясно, в чьих интересах проводить реформы и преобразования и как можно на практике реализовать этот принцип. Попытки исправить эти пробелы как идеологически, так и в правовом поле пока не увенчались успехом. Закон о «Российской нации» не доработан, а появившийся было концепт «Русский мир» также не был юридически формализован. Соответствие социальных образований правовым и идеологическим концептам не определено.

Положения Конституция РФ дают нам представление о правовом и социальном государстве, которые уже предполагают обязательную связь с социальной справедливостью. Эти положения носят как общий — направлены на всех граждан РФ (или даже не граждан), так и частный характер — выделяют объект своего применения. Их можно интерпретировать как гарантии соблюдения некоторых «естественных прав». К общим гарантиям социальной справедливости можно отнести и зафиксированный в Конституции базовый набор гражданских и политических прав и свобод, социальных гарантий. К частным относятся специфические права отдельных социальных групп или общностей — детей, инвали-

дов, коренных народов, женщин. Данные положения раскрывают положение о том, что РФ — социальное государство.

В этом случае социальное государство можно трактовать как особый тип государства, в котором первостепенной заботой власти является выработка решений, относящихся к обеспечению качества жизни его населения, обеспечения его социальных гарантий и стабильности развития [Тавокин Е.П., 2015, с. 133; Романько И.Е., 2014; Остахнович В.О., 2014].

С позиций социологии предназначение образцовой конституции состоит также в том, что она дает большинству членов этого общества ощущение справедливости. Справедливости во всех сферах — социальной, экономической, политической, экологической и иных. Известно, что каждая социальная группа (класс, группа и отдельная личность) как бы примеряет на себя правовую норму социальной справедливости, оценивает ее и на основании этого выстраивает свои отношения с другими людьми, с обществом, с государством. Для каждого социального образования «действует правило»: если нет ощущения справедливости, то нет и чувства своей (социальной, государственной, цивилизационной) правоты. Осознание справедливости стабилизирует, укрепляет общество, выступает дополнительным основанием, обоснованием его самооценности (собственной значимости) и международного престижа.

Так, сегодня мы можем наблюдать потерю авторитета коллективного Запада в глазах «мировой общественности» из-за очевидной несправедливости его позиции в отношении РФ, Ближнего Востока, «двойных стандартов» (особенно явно это проявилось после публикации компромата друг на друга элит США). У Запада больше нет позиции морального превосходства, формировавшейся многими десятилетиями, если не столетиями, — она сейчас основательно подорвана.

Многие внутренние изменения общества в США и Западной Европе, произошедшие за последние десятилетия, воспринимаются извне (большинством представителей других обществ) также как явная несправедливость — в первую очередь это практика «позитивной дискриминации». Но и внутри западных обществ ощущение наступления «все большей» социальной справедливости не доминирует. «Борцы

за справедливость» все так же недовольны, как и раньше, их сторонники — активисты соответствующих движений не снижают накал борьбы, протестные движения не идут на спад, и в целом общий протестный потенциал в западных обществах растет. Подобную ситуацию можно охарактеризовать словами Г. Спенсера: «...несправедливость правительства может существовать при помощи народа, соответственно несправедливого в своих чувствах и действиях» [Спенсер Г., 1992, с. 135–136]

Каждая цивилизация провозглашает свой набор целей и ценностей и претендует на собственное понимание социальной справедливости. Это объясняется тем, что справедливость рассматривается как защитное свойство общества, сохраняющее и поддерживающее его стабильность [Семигин Г.Ю., 2009, с. 73].

Россию можно рассматривать и как отдельную цивилизацию, и как ответвление европейской цивилизации. Первая позиция, как представляется, сегодня менее правомерна, чем вторая. Однако полный переход на позиции евроцентризма лишает нас перспектив обрести моральное превосходство (дающее преимущества как во внутренней, так и внешней политике) в принципе, он есть признание нашей вечной вторичности, автоматическое принятие тех эталонов, идеалов и правил, которые выгодны в каждый конкретный момент ведущим государствам Запада. Перед каждой властью встает выбор: что для нее *важнее* — легальность или легитимность? Российская власть выбрала второе. В обоснование своей легитимности ей приходится обосновывать собственную уникальность.

Попытки выйти из тупика евроцентризма предпринимались неоднократно. Так, в свое время СССР, основываясь на западном продукте (марксизме), с самого своего появления пытался формировать собственный внешний и внутренний образ как «общества победившей социальной справедливости». И для значительной части жителей мира ему это удалось (особенно обездоленной его части), собственные граждане также в значительной мере восприняли эту позицию. Однако довольно быстро СССР этот образ утратил — причем как внутри страны, так и за ее пределами — и стал восприниматься как общество социальной несправедливости. «В конце 80-х подавляющее число респондентов было также уверено в общей не-

справедливости общественного устройства: в 1989 году лишь 15 % рабочих считали оплату своего труда справедливой» [Смольников С.Н., 2013, с. 107].

Одна из очередных попыток (частично удачная) — это позиционирование государственной пропагандой РФ теперь уже не как части Европы, «опередившей свое время», а, напротив, как взгляд из «светлого прошлого» Европы — как оплота классических, христианских, традиционных европейских ценностей. РФ снова позиционирует себя как «третий Рим», подхватывающий из слабеющих рук Запада знамя европейской культуры.

Однако в самом российском обществе существует немало проблем, относящихся к социальной справедливости. Так, в аналитическом докладе ИС РАН «Российская идентичность в социологическом измерении», говорится, что за годы реформ в России выросло поколение, которое испытывает чувство стыда и отчаяния за состояние своей страны (до 90 % молодежи) [Горшков М.К., 2007, с. 20–21].

Правовое государство есть основа и гарантия правовой справедливости. Последняя существует для поддержания *текущего* порядка. В ее задачи входит обеспечение стабильности общества, недопущение потери его управляемости. Однако максимального результата в этом направлении можно добиться лишь при условии, что правовая справедливость будет служить социальной справедливости, а не быть лишь оправданием целесообразности исторического момента. Она неизбежно должна быть нацелена за пределы сегодняшнего дня и тем самым связана с наличием образа, модели ожидаемого и идеального будущего (поисковый и нормативный прогнозы). «Критериями эффективности развития будущего общества являются не только экономические, технические (количественные) показатели, а, прежде всего, качество жизни человека, уровень развития образования, здравоохранения, медицины, морально-психологический климат в обществе, продолжительность жизни человека, его культура, материальный достаток и т.д.» [Стегний В.Н., 2010, с. 12].

Будущая модель социально справедливого общества должна учитывать сегодняшние тенденции технического и культурного развития

передовых государств. Должна быть готова к этим изменениям.

Современное представление о субъекте права на Западе и на его периферии «мутирует» от либерализма и теории естественного права к трансгуманизму. Это можно проиллюстрировать приближающимся признанием частичной правосубъектности машин и животных, «неизбежной публичностью» персональных данных, электронной «Системой социального кредита» в Китае (главный критерий оптимизации общества в ней — привитие «честности», что в рамках подхода «справедливость как честность» можно интерпретировать как глобальную машину по построению социально справедливого общества), и дальнейшим отрывом субъекта права от своих социальных и физических свойств, и распространением потенциального права собственности на все большие объекты (материальные и информационные), могущие быть частью тела другого человека, и пересмотром критериев «естественного», а следовательно, и теории «естественного права». Как видим, наблюдается множество признаков построения «электронного концлагеря», которого хотелось бы избежать.

Вышеописанные представления о субъекте права на Западе коррелируют с понятиями «постмодерн» и «культурный плюрализм», для которых характерно отрицание единой для общества шкалы ценностей. Их нельзя уже рассматривать как некий «новый проект», «новую цивилизацию», они не дают нового критерия социальной справедливости.

Таким образом, право может быть рассмотрено как важное основание для обеспечения социальной справедливости в обществе. Оно закрепляет базовые гарантии прав человека, без которых не может состояться его социальная жизнь. Но его нельзя отождествлять с социальной справедливостью, которая существует лишь как живое, интуитивное право и каждый раз проявляется в формальном и неформальном правоприменении.

Список литературы

Вишневецкий Ю.Р., Нархов Д.Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 35–46.

Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический до-

клад. М., 2007. 140 с. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 17.05.2018).

Медушевский А.Н. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 62–72.

Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3–15.

Остахович В.О. Основные принципы социальной политики как вектор реализации справедливости в современных государствах // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 5. С. 40–47.

Политов Ю. Миллионер в опале // Российская газета. 2015. 11 фев. URL: <https://rg.ru/2015/02/12/dohody.html> (дата обращения: 17.05.2018).

Романько И.Е. Принципы социальной политики как вектор реализации справедливости в современных государствах // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 14. С. 19–24.

Семигин Г.Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 72–82.

Смольников С.Н. Специфика восприятия населением России понятия социальной справедливости // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19(46). С. 104–110.

Социальная справедливость: как мы ее понимаем. Пресс-выпуск № 2346 от 15.07.2013 / Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007> (дата обращения: 17.05.2018).

Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 129–136.

Стегний В.Н. Прогнозирование будущей социальной модели развития России // Вестник ПГТУ. Социально-экономические науки. 2010. № 5(24). С. 3–13.

Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 125–134.

Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ. Ст. 9. (в ред. ФЗ РФ законов от 05.12.2017 № 375-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 17.05.2018).

Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ. Ст. 16. (в ред. ФЗ РФ законов от 20.12.2017 № 404-ФЗ). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 17.05.2018).

Получено 22.11.2018

References

Federalnyy zakon «O politicheskikh partiyaх» ot 11.07.2001 № 95-FZ (v red. FZ RF ot 05.12.2017 № 375-FZ) [Federal Law «On Political Parties» of July 11, 2001, no. 95-FZ (as amended by the Federal Law of the Russian Federation laws of 05.12.2017 No. 375-FZ)]. Art. 9. Available at:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (accessed 17.05.2018).

Federalnyy zakon «Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh» ot 19.05.1995 N 82-FZ (v red. FZ RF zakonov ot 20.12.2017 № 404-FZ) [Federal Law «On Public Associations» of May 19, 1995, no. 82-FZ (as amended by the Federal Law of the Russian Federation laws of December 20, 2017, no. 404-FZ)] Art. 16. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (accessed 17.05.2018).

Gorshkov, M.K. (2007). *Rossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskoy izmerenii: analiticheskiy doklad* [Russian identity in the sociological dimension: analytical report]. Moscow, 140 p. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (accessed 17.05.2018).

Medushevskiy, A.N. (2017). *Pravo i spravedlivost: rossiyskiy protsess obshchestvennogo razvitiya novogo i noveishego vremeni* [Law and justice: the Russian social development in modern and contemporary times]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1, pp. 62–72.

Nersesiants, V.S. (2001). *Pravo kak neobkhodimaya forma ravenstva, svobody i spravedlivosti* [Law as a necessary form of equality, freedom and justice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 3–15.

Ostakhnovich, V.O. (2014). *Osnovnye printipy sotsial'noy politiki kak vektor realizatsii spravedlivosti v sovremennykh gosudarstvakh* [The basic principles of social policy as a vector for the implementation of justice in modern states]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kul'tura* [Ethnosocium (multinational society)]. No. 5, pp. 40–47.

Politov, Yu. (2015). *Millioner v opale* [Millionaire in Disgrace]. *Rossiyskaya gazeta*. Feb. 11. Available at: <https://rg.ru/2015/02/12/dohody.html> (accessed 17.05.2018).

Roman'ko, I.E. (2014). *Printsipy sotsial'noy politiki kak vektor realizatsii spravedlivosti v sovremennykh gosudarstvakh* [Principles of social policy as a vector of justice implementation in modern states]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*. [State and Municipal Administration in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice]. No. 14, pp. 19–24.

Semigin, G.Yu. (2009). *Sotsialnaya spravedlivost' i pravo. Osnovy vzaimodeystviya* [Social Justice and law. The basics of interaction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 72–82.

Smolnikov, S.N. (2013). *Spetsifika vospriyatiya naseleniem Rossii poniyatiya sotsialnoy spravedlivosti* [Perception of social justice among Russian population]. *Vestnik PNIPIU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 19(46), pp. 104–110.

Sotsialnaya spravedlivost: kak my ee ponimaem. Press-vypusk [Social justice: how we understand it. Press release]. *Ofitsial'nyi sait Vserossiyskogo tsentra izucheniia obshchestvennogo mneniia (VTsIOM)* [Official Site of the Russian Public Opinion Research Center]. No. 2346, dated 15.07.2013. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007> (accessed 17.05.2018).

Spenser, G. (1992). *Grekh zakonodateley* [The Sins of legislators]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 129–136.

Stegniy, V.N. (2010). *Prognozirovaniye buduschey sotsialnoy modeli razvitiya Rossii* [Forecasting the future social model of development of Russia]. *Vestnik PGTU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm State Technical University. Socio-economic sciences]. No. 5(24), pp. 3–13.

Tavokin, E.P. (2015). *K voprosu o kontseptsii sotsialnogo gosudarstva* [To the question about the concept of social state]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 125–134.

Vishnevskiy, Yu.R. and Narkhov, D.Yu. (2017). *Kakoe obshchestvo yavlyetsya spravedlivym: mnenie sverdlovskikh studentov* [What society is just: views of the Sverdlovsk region students]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 35–46.

Received 22.11.2018

Об авторе

Смольников Сергей Натанович

старший преподаватель кафедры социологии
и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: Imperial2000@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-6631>

About the author

Sergey N. Smolnikov

Senior Lecturer of the Department of Sociology
and Politology

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: Imperial2000@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-6631>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Смольников С.Н. Социологический взгляд на социальную справедливость как норму права // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 116–123.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123

For citation:

Smolnikov S.N. A sociological perspective on social justice as the rule of law // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 116–123. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-116-123